

СОЛОВКИ

Двадцать второго января 1676 года, тёмной и ненастной ночью, предавший Соловецкую обитель монах Феоктист, а также майор Степан Келен с отрядом из пятидесяти стрельцов проникли в неприступную крепость через известную старцу брешь — наспех заложенную кирпичом калитку в стенах у Белой башни. Они быстро сломали её и в скором времени отворили ворота, в которые вошли остальные войска. Стоявший семь с половиной лет непокорный очаг пал. Застигнутых врасплох бунтарей подвергли ужасающим казням: подвешивали за рёбра, сжигали, четвертовали, привязывали к коням и волокли по земле. Монастырское имущество грабили и уничтожали. Так завершилось известнейшее в русской истории старообрядческое восстание.

Недалеко от величественных стен из крепкого гранита, когда студёная вьюга ураганными порывами несла жгучий рой снежных песчинок, обдаваемый ненавистным хладом стрелец топтал вздымающиеся сугробы. Его бордовый кафтан бессильно трепался в секущем наотмашь воздушном потоке. Молодец крепко держался за кушак¹, дабы тот случайно не развязался и не выпустил бушующий лёд прямо к замёрзшему телу. Волнообразные жемчужного цвета холмы дымились летящими в безудержном ветре струйками снега. Всюду осела густая, даже чуть осязаемая ночь, и лишь изредка сверкавший лунным серебром снежок вскрывал её алчную мглу. Одетая в молочные шубы хвоя пестрила вблизи монастыря. Как раз в её сторону пробивал себе путь отчаянный воин. Ноги промёрзли внутри околелых сапог. Вероломные тропы проваливались под ним пару раз и без раздумий глотали ослабшее тело. Щёки розовели, жиденькую бородку усеял липкий мороз, а скомканный мех то и дело норовил слететь с головы. Плёлся юнец в сторону небольшой часовни из старого дерева. Той, что у кладбища. Стояла она давно, да вот только никому не нужная. Монастырские чернецы обходились своей, а эта считалась

заброшенной. Кто туда подастся? Беглец, конечно. Вот и послали — вытравить. Погодка нынче до ужа-са ненастная. Не время для таких дел, но что поде-лать — приказ. Стрелец хоть и обвешан соболиным теплом, и всё равно немного ему надо было, чтобы совсем окочуриться. Прогибаясь под не щадящим сизо-бледным смерчем, паренёк круто завернул у высокого сугроба. Каблуки вдруг воткнулись в сыпучую дорожку. Неглубокоую. Недалеко впе-реди чернотой засветилась изба. Вот и часовенка. Стрелец уверенно зашагал напрямую. Назад он не пойдёт, не сегодня — уж точно. Надо бы переждать хищную бурю, не очень-то и хотелось свалиться где-нибудь на полпути и чтобы гниющий твой труп нашли под весну. Да и то если повезёт. До дверей рукой подать, наконец-то. Заметил он и тускловатый огонёк из окна. Свечка. Точно, она. Ступил на порог, обил сапоги, примёрзшие комья так и повалились к земле. Крепким плечом разинул низкую дверцу, та смущённо заскрипела, затем пополам согнулся и вошёл.

Берендейка² на теле звенела, оледенелые трубки стучались друг о друга. Стрелец большими руками миглом стряс облепивший одежду снег. Кинул взгляд на стену слева и увидел сухого старика. Одет он был в серые лохмотья, борода львиная, седая, голову покрывала такая же серая материя. И как ещё не промёрз? Старец молча сидел за косым столиком, который покрывали толстая свеча и лужица воска под ней. На задней стене иконостас. Перед ним пустой аналой³. Стрелец аккуратно достал глядящий из-за плеча здоро-венный бердыш⁴. Пищаль поставил в угол. Пре-подобный поднял на него свой усталый взгляд. Густые брови легонько согнулись. Старец спокойно захолопнул какую-то старую книгу. Бледные губы его зашевелились, он заговорил:

.....

1. Пояс (обычно из широкого куска ткани или связан-ный из шнура).
2. Ремень (перевязь), носимый через левое плечо, с подвешенными принадлежностями для зарядания ружья.
3. Высокий, с наклонной поверхностью, столик, на который кладутся церковные книги, иконы и т. п.
4. Длинный топор с лезвием в виде полумесяца на длинном древке.

— Издревле люд не видал! Час⁵ пришёл почитать? Так поздновато ты! Днём надо.

Стрелец удивлённо уставился на старика. Нервно повертел в руках тяжёлую секиру. Потом ответил:

— Побили бунтарей, старик. Кончай свои молитвы крамольные. Вьюга спадёт, и пойдёшь со мною, а то зарублю,—выдал он властно.

Старец еле заметно заулыбался. Жёлтый пламень приглушённо блистал в его мутных глазах. — Энто вон тех-то?! Монастырских?—заворчал он. — Вчера ночью, старик. Перебежчик один нам тайну-то всю и выдал. Прошлѣпали с ним через ход, там ворота под рукой. Наши мигом зашли и взяли бунташных. А то думали, ещё год стоять будут! А тут мы, как лиса зайца. Р-раз! И делов-то.

Старичок недовольно покачал головой.

— Ну, мóлодец, не сердчай. Я ж не ихний! Один живу лет так двадцать уже. Те что-то воюют всё да воюют—мне ж покудова знать, какой у вас там разлад? Живу вот в сторонке, Отца нашего благодарю да за простой народ наш молюсь.

— Ты, хрыч, не из бунтарей, хошь сказать?—пробасил вдруг стрелец. — Как же ж седая твоя голова не слегла здесь, а?

Преподобный громогласно раскашлялся, столь сильно, что глотка его отдавала сдавленным свистом.

— Лесом я, сынок, живу. Лесом и морем. Как жар, так я на огородец пшено пожинать, как холод, меня животинка лесная кормит. Раньше вот рыбу добывал. Щас уже не время. Помру я скоро. Чую смерть свою близко. Я всегда её чую. Видение давеча ко мне приходило. Сидел я у этого самого стола, и как привиделось! Лес мой в огне! Зайчата бегут куда попало! Море замёрзло насквозь, корой ледяной покрылось. Потом пламень дошёл до него, и вышла вода из берегов. Промчалась по лесу, затопила всё в округе. Стены монастырские по камешку разнесла. Ничего не осталось. Остров утоп, одна лишь Секирка⁶ видна была. А на ней инок стоит безголовый. Во ужас!—старец рассказывал с видимым трепетом; впалые щѣки на морщинистом лице сильно дрожали.

— И на кой лад ты мне мертвецом сдался, старик? Помирать ещё, небось, сѣдня собрался,—недовольно проговорил стрелец.

— Ты душа молодая, зелена ещё совсем. Не ведать силы природной. Садись-ка рядом, о жизни своей расскажу.

Паренёк возражать не стал. Похожий на полумесяц топор положил на пол, выдвинул табурет из-под стола, прокашлялся и сел.

— Так вот слушай, родной. Раньше ж-то я был простым мирянином. Дорывался всё до службы монастырской. Молитвы заучивал, пост соблюдал, а в опалу всё равно попал! Родился я не тута, а далёко на юге. Грамоте рано выучился и к вере крепко приобщился. Монахом стать всё хотел, да вот не угодил. Люблю я лес с морем, и в них я бога вижу! А злыдни монастырские проклиjali. Убогим прозвали да прочь погнали. И хоть я не в обиде на них, дак кому ж щас до того дело? Сколотил часовенку себе малую, огородец вскопал, так и жил все двадцать лет. А как печаль душевную учую, так и у леса с морем помощи просил. И что ж, всегда помогали! А где ж теперь иноки соловецкие? На дыбе, поди, висят. Жизнь одинокая меня и спасла. И душу мою тоже,—старик прервался на глубокий кашель, было видно, что ему всё хуже.—Истинна моя вера, и нету здесь крамолы никакой, слышишь, нету.

Старик внезапно замолк. Часовня громко шаталась под непосильным вьюжным напором. Крыша трещала, углы скрипели. Пол ходил ходуном. Мерцающий костѣр свечи сипло дрожал. Молодой стрелец вопросительно уставился на дряхлого старика. Из-под порога шѣл кусающий сквозняк. Два человека, разделѣнные слабым свечением, молча сидели несколько минут. Преподобный внезапно закричал. Тяжко задышал.

— Завтра умру...

Стрелец понимающе кивнул и крепко стиснул скулы.

— Помогии старику. И лес твоим домом станет. Что б с тобой ни приключилось, Соловки всегда рады тебе будут. Да не монастырские, не царские люди, а лес с морем,—старец вновь разразился чудовищным кашлем. Казалось, его сейчас вывернет наизнанку.

— Чем-то я тебе годен буду, старик?—заголосил стрелец.

— Доведи до берега, сынок. Там лодка стоять будет недалеко. Мне-то она и надобна.

— Сплюнь, старый! Как же ж я тебя щас доведу? Там кутерьма невыносимая! Самого чуть было не сцапала проклятая!

Старик резко встал—и откуда он только нашѣл в себе силы для этого? Затем подошѣл к иконостасу и сосредоточенно возложил свою большущую книгу на аналой. Он ничего не читал и даже не молился, просто уставился на иконы. Так и стоял в кромешном безмолвии. На щеках его появились горячие слѣзы. Прозрачные капли медленно стекали по тощему лику и устремлялись вниз—прямо на фолиант. Мистический плач продолжался минут десять. Ошеломлѣнный стрелец лишь оторопело глядел в сторону причудливой процессии.

— Пора,—проронил вдруг преподобный.

— Вьюга там, дуралей седой! Я же сказал!—не выдержал глупости старика розовощѣкий юнец.

5. Часы—краткие службы, совершающиеся в православной и католической церквях.

6. Гора на Большом Соловецком острове.

— А ты послушай.

Деревянный домик умиротворённо стоял. Ветра не слышно, снега за окном не видать. Стрелец мигом поднялся и отворил узенькую дверь. На улице чудо: полноцветное блюдо бледной луны одиноко сияло в пустом небе. Сугробы, словно рыба чешуя, мерно переливались в его свете. Тишь стояла полная: ни вьюги, ни даже слабенького ветерка. Благодать, да и только. Багряношубный паренёк отскочил вдруг назад и вытаращил глаза на старика:

— Колдун проклятый! Зарублю тебя щас, и кончим с этим!

— Ты человек хороший. Поможешь старику, чую энтэ, лес мне шепчет. Коль дорога наша чиста стала, пошли ж скорее.

— Вот осёл упёртый! Не то, так это! Как с тобою только совладать?—замаячил стрелец.—А чёрт с тобой! Пошли. Хоть в конуре этой ночевать не придётсЯ.

Стрелец собрал всю экипировку, проверил, потом спросил старика:

— У тебя обутки-то есть, старче? Волоком тебя тащить, что ль, иль на спине?

— Всё с собою, сынок.

Через пару минут от бывшего «голового», укутанного в лохмотья старика не осталось и следа—перед стрельцом стоял разодетый в меха и высокие валенки человек.

— В путь-дорогу, да с удачей.

Платиновые крупички звонко хрустели под ногами. Обступившую округу тишину нарушало только резкое чавканье снега. Стрелец широким шагом мелькал перед старцем. Тот неуклюже ковылял позади. Блёкая лазурь покрывала их силуэты, отчего те отвечали заметной тенью. Вскоре белые круги играючи отражались во взволнованной воде. Подошли. Старик без остановки вздыхал, ему будто бы не хватало воздуха.

— Вот, родной... и пришли...—сбивчиво промычал он.—Тут за камнем... стоит... посади.

Рослый стрелец на руки подхватил умирающего старца. Преподобный почти что обмяк, но всё ещё находился в сознании. Они медленно прошли до занесённого снегом валуна, под ним стояла пустая деревянная лодка. На удивление, в ней не было снега.

— Давай-ка, сынок, сяду...

Стрелец усадил старика. Глаза его казались слегка замутнёнными. Расторопный взгляд выдавал увядающего страдальца.

— Как Савватий Соловецкий... Лучший уход... Да восхвалит тебя Господь...

Мóлодец в красном кафтане сурово молчал. Он усиленно сдерживал подступившую скупую слезу. Снял он и шапку, обнажая юный кудрявый волос. Старик степенно оттолкнулся от берега и разом

обессилел. Деревянная лодка медленно поползла по поверхности холодного моря.

— Сливаюсь с морем... спасибо, сынок, спасибо...

Когда лодку скрыл белёсый туман, на бесшумном берегу стоял одинокий человек с ружьём и широким топором за спиной. Стоял он недолго, но вглядывался куда-то вдаль. С неба сызнава повалила седая пыль. На сей раз тихо и умиротворённо. Стрелец развернулся, набекрень напялил меховую шапку и молча ступил прочь.

Наваждение

Революционный трибунал постановил: за отчаянное, упорное и последовательное сопротивление идеалам революции, за нанесение тяжкого материального ущерба силам повстанческой армии, за подрывную деятельность, направленную против народа и его интересов, приговорить Г.Г. к смертной казни гильотинированием. Приговор исполнить в кратчайшие сроки.

Крепкие руки, с обеих сторон с адским усилием впившиеся в моё и без того посиневшее и вздутое от побоев тело, бесцеремонно бросили меня в какую-то мёртвую комнату. Темницу, судя по всему. Тьмы тут было и вправду хоть отбавляй. Ещё совсем замутнённый, скомканный происшедшим со мной недавно зверским истязанием рассудок отказывался воспринимать что-либо извне. Со стороны я, очевидно, был похож на некую плюшевую или вовсе бесформенную игрушку, безвольно поддающуюся каждому насильственному порыву. Меня шатало из стороны в сторону, но сейчас, в отведённое мне время, это было не столь важно—жить мне оставалось один час. Ни больше и ни меньше. Теперь вся моя жизнь умещалась в этот крохотный промежуток длиной в шестьдесят полных минут. И хотя я осознаю, что спусковой механизм, запустивший обратный отсчёт, уже приведён в действие, внезапно приходит мысль о возможной вечности моего бытия, что будет тянуться бесконечно долгие шестьдесят минут. Секунда тысячелетиями будет сменять другую. И таких—три с половиной тысячи. Потом меня снова заберут. Я буду идти долго, я знаю это. Ноги откажутся ступать по смертельной тропе, но лишь тем же кукольным волоком зашаркают по гравийной дорожке, ведущей к эшафоту. Когда выведут, кристально чистым и преисполненным благочестивого высокомерия взглядом я озарю толпу, что животными криками своими будет встречать мою смерть. Множество времени это займёт. Затем уже твёрдым, полным достоинства шагом восхожу на в спешке сколоченный, излитый мученической кровью деревянный эшафот. Толпа галдит, трясётся, жаждет свежих душ. А я напротив её стою в свой полный исполинский рост, возвышаясь над всеми и каждым из этой бездумной массы. Доказав свою честь, в цепких объятиях своих

истязателей подойду к окроплённому кровью бессчётного числа людей смертельному металлу. Вот с моего израненного, но внутри вселенски сильного тела сдирают рубашку до самых плеч. Вяжут ремни. Кладут на скамью. Крепкой защёлкой обездвиживают шею. Секунда. Две. Лезвие несётся по направлению ко мне, принося вслед за собой неминуемую и скоротечную смерть. Конец. И снова темнота. Темнота всеобъемлющая, обволакивающая и доминирующая. Я не знаю, что ждёт меня по ту сторону смертоносного лезвия, куда отправляются и где пребывают невинно убиенные сразу после последнего вдоха и последнего смыкания своих смоченных ангельскими слёзками век. Ответ мне недоступен. И, может, оно к лучшему. Я продолжаю верить в непрекращающуюся цепь полёта души. И мне без разницы, где эта душа окажется. Я верю, что она будет существовать ещё целую вечность, сразу после вечности земной, телесной. Здесь мою уверенность не сломить ничем, я знаю это, чувствую.

Впереди ещё большая часть единственного имеющегося у меня рокового часа. Сесть хоть на скамью, что ли? Темница моя с виду кажется совсем незрочной, но когда ты внутри, разогретое сознание готово открывать для себя совершенно новые, я бы даже сказал — мистические, горизонты. В особенности в необыкновенной связи с одной замечательной вещью, которую я тут обнаружил. Ветхий, отчасти сгнивший потолок из какого-то дубового дерева был не до конца заколочен, отчего в самом его центре образовывалась крохотная щёлочка. И вот сквозь эту щёлочку просачивался завораживающий, даже манящий, бледно-синий, малость прозрачный лунный свет. Лучи его аккуратно спускались вниз и ложились прямо на смиренно сидевшую напротив отсечённую голову. Сидела она на старом, обросшем плесенью и мхом пне. И прямо в глубине его морщинистых выемок тонкой струйкой текла бурая кровь. Она уже успела загустеть и почти что высохнуть, но малая часть всё ещё лилась из-под безобразно разрубленной плоти.

Голова принадлежала мужчине лет так тридцати. С чёрной, густой, вымазанной в собственной крови бородой. Рот слегка приоткрыт, отчего время от времени туда могли заползть жужжащие всюду мушки, старающиеся найти для себя какое-нибудь лакомство, скрытое в беспросветной, подобной пещере глотке умерщвлённого бородача. Кожа совсем непривычного взгляду оттенка. Вроде бы и жёлтая, чуток смуглая даже, но при этом совершенно бледная, с голубизной. Длинные и вьющиеся во множестве кудрей волосы безобразно растрёпаны. Вообще вся кожа слегка поблёскивала в этом гипнотическом лунном свете: казалось, будто лёгкий сальный налёт сиял в наложении этих лучей. Нос большой,

горбатый. По внешности, судя по всему, это был какой-нибудь араб или попавший под раздачу турок. Но самое главное, пробирающее до дрожи свойство заключалось в застывшем навеки мёртвом взгляде. Этот взгляд умершего человека выглядел для меня полным жизни. Для меня, невольно оклеветанного и ожидающего столь же ужасающей участи страдальца, эти сияющие сквозь мертвецкую пелену карие глаза выражали чувство полного отчаяния и вездесущей безнадёги. Язвительной скорби. И отличительным было то, что с разных сторон взгляд контрастно преобразовывался, меняя с головы до ног весь спектр выражаемых эмоций. Безжизненный и мерзко обезображенный ли стал для меня магическим хранилищем чуть ли не всех самых негативных оттенков человеческой души. Двинусь я немного вбок — глаза всё хмурятся, двинусь в другую сторону — вижу тоску. Этот убиенный, его часть, теперь пребывает моим сокамерником на предстоящий бесконечно долгий час жизни, что составлял всю её протяжённость.

Мне жаль его, жаль себя, и даже мысль о безграничности духовного существования не спасает рассудок от рвущей сердце печали. Я сижу напротив головы, всматриваюсь в неё, смотрю прямо в глаза, а они мне отвечают тем же. Тот же самый час, день или два она была на месте. За кордоном лобной кости, внутри широчайшей сети нервных окончаний, бегали миллионы импульсов, складывая мысли, чувства и эмоции. Мужичок этот дышал, говорил, воспринимал окружавший его мир таким, какой он есть. Во всей красе то есть. Сейчас же всё. Лежит он тут передо мной, впивается своим белёсым взглядом в моё лицо, источает вонь и кровь. Страх берёт от фатальной мысли, что этим стану и я. Вот уже через бесконечный час. Или его половину. Не знаю. Ткань времени, это чрезвычайно тонкое, недоступное никому полотно, скомкана в единый уродливый сгусток, потому и не различишь его хода. И какой-нибудь зевака-прохожий, насмехаясь, будет вглядываться в закатившиеся кверху убитые глаза. По спине пробежала мелкая дрожь, выступил пот. А что убитый чувствует в этот самый момент? И будет ли жив мгновенье после? Что ж, одно утешение: мне предстоит узнать. Да ещё и самым что ни есть непосредственным образом. Утешение, конечно, жутковатое, но и другого в моём положении уже не помыслишь. Я не робок и не бесстрашен, я скорее смирился. Принял всё как есть. И лишь несломимый стержень моей веры удерживает от ниспровержения в безумство. Его непоколебимая фундаментальная твердь держит меня на ногах, не давая умереть внутри. И это главное. Сейчас уж точно. Меня убьют, отсекут голову, поставят её так же на пенёк или выставят гиенам напоказ, но одно знаю: дух им не задеть.

Зловонный смрад бил по ноздрям. И как я этого раньше не замечал? Голова всё так же неподвижно и бесшумно восседала на окровавленном пне напротив меня, упираясь застывшим взглядом в моё бледное тело. Я не знаю, сколько ещё пробуду здесь с ней. Наедине. Не знаю, о чём думать. Но простая человеческая скорбь берёт оттого, что последний отведённый для жизни час я провожу в компании не одушевлённой, а только делающей подобный вид вещи. Ведь и уходить было бы не так прискорбно, будь рядом живая душа. Лишь боязнь неотвратимого сжатия времени, найди я себе собеседника, отталкивает меня от этой мысли.

Вот мы снова сидим друг против друга. Смотрим на самих себя. Молчим. Кровь уже прекратила сочиться из-под головы. Взгляд тот же. Такой же непонятный, неизведанный, мёртвый, но живой. Тут я заговорил:

— Чего сидишь, смотришь на меня?

В ответ, конечно, тишина.

— Я ведь не знаю, кто ты, кем ты был, ты просто вещь. Но вещь страшная, и страшная не от пугающего вида своего, не от невыразимого безобразия — этот страх испытывает любой, не приговорённый человек; у меня страх иной, в другой плоскости находящийся. В тебе я себя узнаю, понимаешь? — Я глубоко вздохнул и вытер грязным рукавом рубашки вспотевший лоб. — То, что ты есть, будет мной. Да. Бесконечно много это или осталась пара секунд, я не знаю, но это моя мучительная судьба. Сидеть здесь с тобой, вглядываться внутрь пустоты и получать в ответ ничто. Что может быть страшнее в моём-то положении?

Теперь мне отвратительной мукой казалось это неизбежное заточение с проклятой головой. Порой будто бы виднелось, мерещилось, вернее, что эта безобразная голова умудрялась переменять направление своего взгляда. Он словно был прикован ко мне. Как только я понял это, уже тяжело сдерживаемая паника и поднимающийся из самых глубин отчаянный крик завладевали мной без всяких церемоний. Я в страхе вскочил со скамьи, ринулся в угол к стене и застыл. Тут было сыро и темно. Всё в паутине. Сложно было отличить, где по мне бежал паук, а где просто вздымало кожу от холодных мурашек. И я гляжу в лицо своему страху, гляжу в буквальном смысле, он отвечает тем же. Я медленно, весь в поту и трясясь, перебираю вдоль по стене и тут же замечаю, что глазки-то его следом за мной плывут, поблёскивая в бледных лучах, мерно падающих вниз. И самому не понять, но вроде как ехидно улыбается голова эта. Улыбается, смеётся надо мной, над моим страхом, над моей слабостью и над глупостью. Я не понимаю, так ли это или мне мерещится, но голова всё пристально смотрит, бесчувственно уставившись матовыми стёклышками глаз в самую

глубь моей души. В ответ на это невыносимое истязание, на эту нескончаемую пытку я кричу: — Что нужно-то от меня?! Что?! Чего ты во мне разглядел такого? Да я сам скоро стану ничем и всем сразу, так же как и ты! Отведи от меня свой срамной взгляд, освободи от пытки!

И после этих слов я подбежал к решётке и начал было дёргать её в приступе неконтролируемого гнева и сковывающей разум паники, но тут же вдруг перестал. Осадил себя. Опустился на колени и замолк. Задумался. Голова стояла там же. Ни на миллиметр не сдвинулась. Теперь я видел её в профиль. С этого ракурса я разглядел совершенно непропорционального размера ухо, проколотое большой золотой серьгой. Нос отсюда совсем скрючен. А борода не так пышна. Но всё же снова замечаю, вижу, точно вижу, что одним своим глазом, извертевшись крайне, но глядит! Глядит на меня! Продолжает, и никак его не успокоить. Что бы я ни делал. Я встал и прошёлся по темнице по направлению к боковой стене, где бы эта чёртова голова и не смогла бы обращать на меня свой адов взор. Голубой болезненный свет малость померк с этой стороны. Тень стала больше, а места меньше. Вся целость лучей, словно на сцене, сошлась одним пучком к голове. Это её спектакль. Здесь всё подчинено ей, всё ей прислуживает. Я уверен, что ощущаю её взгляд, даже когда стою позади. Да-а. Она видит меня, чувствует, знает, что я всё ещё здесь, и продолжает сводить с ума. Тут и страх перетекает в злость. Снова кричу: — И здесь достать меня вздумал, да?! Извести меня хочешь совсем?! Не поддамся! Сверлишь меня, сверлишь, испытываешь, коришь. Думаешь, я сделать с тобой ничего не смогу? Ошибаешься, о-очень ошибаешься.

Тут я, всецело обуреваемый вышедшей за края злобой, подбежал к голове и ударил по ней со всего размаху. Та, в свою очередь, оторвалась от законно отведённого ей места (где она, казалось, находилась целую вечность и попросту срослась со старым деревом), оторвалась и покатила по грязному темничному полу, собирая спокойно лежащую девственную, до сего момента не тронутую пыль. Прокатилась голова на удивление недалеко — упёрлась в ножку кривой лавки. Так и замерла, снова опалив меня беспощадным, пожирающим взглядом. На сей раз он был каким-то жалобным, тоскливым. Гримаса беспомощности вроссияла на этом уродском, испачканном пылью вперемешку с кровью лице. И тут я заметил удивительную, полностью фантастическую вещь: по правой щеке едва заметно стекала маленькая слеза, кристально чистая, как бриллиант сверкавшая в отблеске вонзающегося в неё лунного света. Неопишуемая палитра чувств прошла во мне от головы до пят, дойдя до самых дальних уголков моего тела. Я весь зажёгся, не знал, что

делать. Испугался. Хотел было зарыдать, но обошлось. Почувствовал тошноту и головокружение. Отчаяние и скорбь. Но сошло всё на жалости и сочувствии. Что я наделал?! Сверг единственно достойного правителя этих владений. А ведь это мой брат! Мой родной брат! Кровный! Плоть от плоти! Я с ним единое целое. Будем вместе тут лежать и смотреть друг на друга, и больше ничего не надо. Некое чувство вины поднялось во мне. Осознание чего-то ужасного. Я осудил свой поступок и тут же решил его исправить. Загладить горечь вины. Раскаяться. Я умиротворённым и поруганной голове, аккуратно, будто это моё дитя, поднял её с пола и с наполненным раскаянием ликом взгляделся внутрь этих мёртвых глаз. И вот я понял. Всё это время эта самая голова желала лишь одного—избавления от одиночества. Я был её спасением, им же пребываю и сейчас. Беру её покрепче, смотрю на этот адов лик, на большую, покрытую спёкшейся кровью бороду, на горбатый нос, на густые чёрные волосы и замечаю бледные братские губы. И чувствую, что должен, понимаю это, сознаюсь, что виноват. Преодолеваю тошноту, вызванную омерзительным зловонием, подношу голову к своей и мигом целую.

Заклучение

— Приговор отменить.

— Как отменить?!—возмутился палач.—Это невозможно!

— Вы просто сами этого не видали,—отозвался весь белый, как чистый лист, исполняющий должность прокурора.

— Да что ж там за эксцесс такой, отчего вы страшнейшего врага революции помиловать решаетесь? Мёртвый всяко лучше живого.

— Мы не убийцы какие-то, в конце концов! Вы это у него и спросите, про мёртвого-то. Правда, боюсь, что не ответит он уже вам ничего внятного или членораздельного. Так, восклицания какие-то. — Ну чего случилось там?! Ответит уже кто-нибудь или нет?!—возмутился палач.

Время приводит приговор в исполнение. Двое молодых солдат спускаются в подвал, прямо к темнице. Идут спокойно, курят. Немного болтают. В длинном коридоре тихим эхом раздаётся неизвестный звук. Солдаты переглянулись и тут же заковыляли быстрее к клетке. Подошли, разомкнули и сразу же обмерли: посередине миниатюрной, окутанной крошечной тьмой комнатки лежало тело, освещаемое слабенькими лучами не понять откуда взявшегося синего света. Тело рыдало, скрючиваясь в конвульсиях и безостановочно что-то выкрикивая. Но самое ужасное—тело, словно молодая мать, нежно держало отсечённую когда-то голову в своих объятиях, будто пыталось успокоить младенца. Глаза неживые. Они, как

покрытые туманом поля, не давали даже близко понять, что по ту сторону их матовой пелены. Он умер до исполнения приговора. Два солдата уводили куда-то в даль коридора уже не личность, не характер. Это была оболочка, личность смиренно ушла, так и не дождавшись своей вечности. Либо она в ней и пребывала сейчас. Никто не знает, что происходит с человеком в момент, когда бритвенная сталь обрушивается на его голову. Мыслит ли он ещё секунду или две. Но что происходит с человеком, когда его покидает рассудок, понять вдвойне тяжело.

Он просто уходит, исчезает. Но продолжает жить. Существовать. Оба этих состояния крайне похожи. И в то же время так далеки друг от друга. Убиенный и мёртв, и как бы жив. Разница лишь во взгляде. В его глубине. Проницательности. От этого кровь стынет в жилах. Однако то есть правда. Тяжёлая, мучительная. Но всё же смиренно истинная.

Зеркало

...Встреча с самим собой означает прежде всего встречу с собственной тенью.

Карл Густав Юнг

Что происходит? Вокруг крошечная тьма. Ни звука, ни запаха, одна лишь всеобъемлющая и гнетущая темень. Я пытаюсь идти, под ногами что-то есть, но мои движения бесшумны. Куда я попал? Да и кто я вообще? Напрягаю разум в попытке раздобыть какие-либо воспоминания о себе, о случившемся—и не получается. Чёрная материя, окутавшая меня, словно исходит из него, из моего сознания. Я не уверен, что существую, хотя и мыслю. Я—это такая же часть тьмы, как и всё остальное. Двинусь вперёд—ни единого проблеска света не видать впереди. Куда бы я ни ступил, ничего не меняется. При этом я не боюсь. Не ощущаю скользких ручонков хладного ужаса, что, по обыкновению, хватает тебя за самое сердце. Не только ужас, но и иные свойственные человеческому существу чувства меня оставили. Какая мыслительная дерзость! Кто мне позволил причислять себя к людям? Если вокруг пустота, а я её часть, значит, и я ничто. Человек—это сосуд, он наполнен живым духом. Во мне же одна лишь брешь. Я будто бы борозжу просторы сверхмассивной чёрной дыры. Великое научное открытие! Однако ему не суждено стать известным. Я забираю его с собой. И когда мой рассудок истощится, оно исчезнет навсегда.

Я лёг. Подо мной точно непреодолимая твердь бесформенного мрака. Мыслительные потоки—как безостановочный водопад: хлыщут в глубь головы, и не в моей власти контроль над ними. Конечно! Знаю! Теперь знаю точно. Я умер. Извечный философский вопрос исчерпал себя. Сквозная

темнота—вот ключ к ответу. Ничто, никак и ничего. Полный список состояний, коими я могу описать нынешнее своё положение. И три столпа, на которых зиждется густая вселенская темнота. Пусть оно и так, а что дальше? В чём конечная цель? Наивный вопрос. Им мы терзаем себя при жизни. Когда всюду гнездятся живописные пейзажи и головокружительные ароматы природы. Когда мы одиноки или же в кругу близких людей. Сейчас это потеряло свой первоначальный смысл, и мне всё равно, каким прекрасным был ушедший от меня мир. Мёртвому телу всё одно. Сегодня мрак—мой дом. Не будет ли такой исход наказанием? Фантастическое небожие и неутраченная способность мыслить. Думаю, что это вполне возможно. И пускай ныне я—это тень, остатки души всё же призывают к немедленному раскаянию. Что бы моя плоть ни совершила в прошлом, признаю ошибочность своих действий. Тень не боится быть освищенной, не боится она и пламенных мук. Здесь, в поглотившей тебя бесцветной мгле, итог один, и он мне давно известен. И несмотря на это, меня всё равно беспокоит вопрос: неужели тут нет конца? От меня остался лишь образ мыслей, что заковали в нерушимые кандалы времени, и он не способен вынести весь непосильный груз свалившихся вопросов. Я попросту не могу представить, каково это—быть в небожие. Навечно. Вероятно, в этом моё будущее предназначение. Я постараюсь с ним справиться, иначе меня бы здесь не было.

Вокруг всё та же беспроглядная ночь, но я решаю пройтись. Это глупо и бессмысленно, и всё-таки не помешало бы осмотреть свои «владения». Занимательный факт: темнота столь крошечная, что, будь я живым, я бы ощутил её тяжесть на себе. А тишина достигает такого предела, когда бедные уши непременно страдают от адского звона. Делаю шаг. Десять. Двадцать. Тысячу. Неизменная пустота довлеет везде, куда ни глянь. Я—сокрытый во мраке мыслитель: пытаю себя вопросами, увечу разум, погружившись в отчаянные поиски ответов. Могу ли я бегать? Да, как раньше, в прежней жизни. Когда я ещё существовал. Нужно сделать усилие—и вот я уже несусь во тьме. Не разумею, как это происходит, но уверен в своей правоте. В округе статика, ничто не говорит о движении, а я бегу. Лечу как ветер. И кто меня остановит? Я и есть пустота, мне всё и подчинено, я здесь властитель.

Не может быть!

Что это? Неужели свет?! Не верю, это злосчастная иллюзия! Она ниспослана, чтобы меня испытать, как и всё, что тут есть, вернее даже, чего тут нет! Я думал, что силен. Считал, что не ведаю страха. Верил, что дух мой непоколебим. Я чудовищно ошибался! Я устремляюсь всё усерднее, и мрак, стоящий подле меня, покорно отступает. Моя власть шатка! А чувства не притуплены! Быть

может, это путь к спасению?! Я не знаю. Я предаю себя, своё предназначение, но остановиться не могу. Белые лучи уже осязаемы. Если я был слеп, то в эту секунду глаза обретают зор. Сияющая вспышка небесным куполом покрывает меня. Мне казалось, что тысячелетия прошли за это время. И вот я перешёл границу. Цепкая чернота позади, впереди свет.

Удивительно, я всё ещё не могу поверить своим глазам, что в мгновение открыли мне новый мир. Тьма расступилась. Её цепи сломлены, мой дух вырвался. И где же я теперь? В каком-то большом помещении. Вижу дубовый стол, на нём множество небрежно разбросанных бумаг. Позади высокое кожаное кресло. Убежных стен полки с плетёными переплетками книг. Какой приятный ковёр под ногами! Ворсистый, зелёного цвета. Прямо-таки офисный газончик. Обхожу стол со всех сторон, он будто бы мне знаком. Я точно его видел когда-то. Роскошнейшая люстра на потолке. Стекловидные прутья на ней причудливо извиваются, а лампы напоминают чаши из хрусталя. В конце кабинета дверь цвета сосны. Она также прекрасна—под стать остальному интерьеру. Вопросов теперь целая уйма. Густая темень не требует дотошного анализа, с ней всё и так понятно. Бесконечно чернота, и точка. А что сейчас? Я здесь явно неспроста, важна условная деталь, которую необходимо найти. Янтарные лучики пронизывают комнату. Они юрко просачиваются сквозь полузакрытые жалюзи. В помещении огромное окно. Во всю стену. Подошёл к нему, но не могу взглянуть наружу. Там один лишь яркий свет. Какой комичный контраст! Из абсолютно незримой пустоты к горящему огню лучей. И если это испытание, то я провалился. Не имею догадок, что следует предпринять. Сяду-ка в кресло, поразмыслию.

И вдруг в мозгу мелькает воспоминание. Оно будто бы ложное, как дежавю, но я был здесь! В этом самом кабинете, в этом же кресле! А что на бумагах?

Беру стопку—белоснежные листы. Надо бы порыскать в столе. В ящиках та же макулатура. Тщетно! Берусь за книги—и они пусты! Очередная иллюзия! Вот в чём испытание. Пустота никуда и не делась, она точно идёт за мной по пятам. Здесь нельзя задерживаться, чувствую, как свет тускнеет, нельзя упускать свой шанс. Подошёл к двери, стремительно распахнул—и тут же ослепительный пламень, словно космический квазар, обдал меня полностью. Мне тяжело. Испытываю непомерную усталость, но пересеку порог! На секунду всё исчезло, меня снова чуть было не сцапала тьма, а потом я внезапно оказался посреди широкой улицы.

Высокие дома, сотни окон, цветастая брусчатка—символы цивилизованного урбанизма. Улица похожа на шоссе, обставленную множеством домов. Она такая же длинная, словно бы

бесконечная. В каком я городе сейчас? Поворотов нигде нет, магазины пустыют. Тут вообще никого... Ни единой души. Даже машин нет. Тихо, как на кладбище. Случилось бедствие, и все попрятались в свои затхлые муравейники? Не похоже. Уж больно прилично вокруг. Убрано и складно. Я уже час иду по тротуару, никто так и не появился. Пугающее зрелище. Безнадёжное. Наводящее гиблую тоску. Что это? Часы? Но где стрелки? На одном из миллиона высоченных домов висел пустой циферблат. Пометки есть, а времени нет. Мурашки пробегают по телу от такой странности. Сколько же я ещё буду идти? Устал уже непомерно. Километр за километром, а улица всё не кончается. И людей не видать. Зайду в кафе, что в стороне от меня, — посидеть, отдохнуть. Выглядит оно безупречно: витринные окна кристально чисты и помещены в расписные рамки изумрудного цвета, вход оснащён декоративным козырьком, точно не маленькое заведение, а живописный замок. Внутри так же пусто, как и на улице. Небольшие столики у окна весьма искусно сделаны. У стойки никого. Кто же меня обслужит? Кажется, я начинаю понимать, что темнота, с которой я начал свой путь, — это наименьшее из зол. Мне безумно одиноко здесь. Во мраке я был властитель, бесстрашный и хладнокровный, сейчас же капельки солёного пота усеяли лоб. Я не хочу так быть. В пучине чёрной безывестности я не страшился одиночества. Там мне ничего не напоминало о нём. Есть только ты и ничто. Более того, ты и есть ничто. А эта улица меня угнетает. Перемальвает в жерновах вездесущего уныния. Однако суть одна: пустота меня преследует; куда бы я ни шёл, она всегда меня достанет. В кафе слишком душно, вот я и на улице. Снова. Невероятно! Ничего не изменилось. Кто бы мог подумать... Нельзя этого оставить просто так. Верните меня в темноту! В ней я не был ничем ограничен! Шёл куда хотел и думал тоже! А эта проклятая улица сковывает меня собой. Куда же мне деться-то?! Я ведь был мёртв! К чему всё это? Послышалось гулкое урчание двигателя. Неужто автомобиль? Это он! Я слышу его, едет позади. Фары мерцают белёсым цветом, таким же, как в тот раз. Кричу: «Стой!» Я даже не понял, в какой момент оказался на дороге, а слепящее сияние поглотило меня целиком. После всего слышу приятный аромат летних цветов и хорошо узнаваемый шум листвы.

Лес.

Как же он красив! Мне уже глубоко наплевать, в связи с чем я тут очутился, посреди этой манящей и нагой природы, но я рад, что сбежал от тоскливого пейзажа всеми забытого города. Непростой это лес, похож на аллею. Такую же длинную, как проклятая улица. Но вдали что-то есть, вижу это. Наверху лазурный окрас. Чистый и благопристойный. Солнца не видать, но меж

деревьев пробивается лимонное свечение. В роще тишь, и разбивает её один только шорох сочных крон. Пожалуй, пойду, что ж мне ещё... Невысокие кучки кустарников мерно осели по бокам. Под ногами добротная тропа. Вытоптанная, да и, видимо, давно. Чем ближе я к концу аллеи, тем сильнее меня окутывает темень вокруг. Боюсь, когда дойду, гиблая ночь вытолкнет радостные блики солнечных озёр. Природа не страшна, в ней ты не чувствуешь себя одиноким, не желаю сравнивать её с темнотой, и всё же среди опоясывающих тело веток меня не одолевает печаль. Ты так же становишься её частью, как и в темноте. Нетронутое естество — будто убежище для гонимой души. Оно и привычно, и создано, чтобы вбирать в себя самое близкое нам — потребность в уединении с самим собой. Приятны душистый запах радужных цветов и убаюкивающий птичий фальцет. Я бы здесь с радостью остался. Может, я нашёл себя? Свою стихию? Будь оно так, всё выглядело бы иначе. Не было бы длинной тропы и чего-то скрытого в румянном мареве в конце неё. Я как раз уже приблизился к подобному миру таинственному туману. Обернулся — зелень, цветы, лёгкий воздух, но это иллюзия. Я ещё не дошёл до конца. Не выяснил, кто же я есть на самом деле. Поэтому проникаю в бесплотную дымку в надежде не заблудиться там на века. Прощай, красочная рощица, быть может, увидимся. Замутнённые струйки белой мглы вязким киселём обволакивают меня. Страх, которого я совсем недавно не знал, нарастает. В ушах свист. Тело дрожит. Я сбился с пути. Я не выберусь. Откуда-то далеко позади доносится томный стон. Или крик. В мыслях одно — бежать. Будоражающий ветер тощими кистями дотрагивается до меня. Я уже не бегу — парю. Матовая слепота вновь побеждает. Я не сворачиваю, стараюсь держаться одного пути, но бледная круговерть так и бьётся в глаза. Сильный хлопок вдруг раздался у меня за спиной, громкий и резкий, похожий на выстрел. Затем я упал. На траву...

Встаю — новый круг, меня сызнова окружили исполинские деревья. Светило поблекло, заскрипели сверчки. Настала непробудная ночь. Я смог. Дошёл до цели. Спереди в сотне метров стоит приличных размеров частный дом. Двухэтажный. Из окон наружу льётся липлое свечение жёлтого цвета. Вот я уже у крыльца. Ступеней здесь много, все высокие. Поднялся — дверь открыта, знакомый белый свет течёт из неё. В ожидании новых приключений спокойно вошёл внутрь.

Оказался я в этот раз на вилле. Богатейшей, с бассейном и сотней пёстрых комнат. Кому же она принадлежит? Внешнее убранство так знакомо, как и кабинет в начале моего «путешествия». Стою, похоже, в зале. Удобств здесь миллион: телевизор на всю стену, красивая мебель, дорогие ковры, вазы, журнальный столик... Окровавлен...

Белоснежное ложе в багровых пятнах. На перине револьвер. Газеты, бумаги, вообще всё раскидано в разные стороны. Стекланные ворота настежь распахнуты, и полупрозрачные шторы бешеным танцем вьются под молчаливую музыку ветра. На полу кровавые следы. Убийца после своих злодеяний мигом выбежал из дома, открыл двери и исчез. Но вместе с ним и труп... Что же здесь произошло? Я призван разгадать эту загадку? Конечно. Я призванный сыщик: ловко выслеживаю корень зла и заносу бритвенную сталь правосудия над ним. Часы. Мне нужны часы! Пришлось изучить этот красивейший зал с головы до ног, чтобы отыскать необходимую деталь. Время шесть часов вечера. Гляжу в окно. Господи... Море... Блистает глянцевыми огоньками уходящей звезды. Волны бегут. Их миллионы, тысячи миллионов! И там, почти у самой дуги горизонта, развевается уходящий парус. Корабль ушёл и украл истину. Убийца вместе с ним. Я не позволю! Достану! В сумасшедшем темпе выбегаю из помещения, падаю в ледяной бассейн. Страхиваю воду, бегу дальше, надо вниз, к причалу! Лучше срежу, вила стоит на высокой скале, усеянной смертоносными камнями, но мне они нипочём, не это меня сейчас волнует. Обхожу их один за другим, яхта ещё видна! У причала гидроцикл, две минуты — и я на нём! Скалы сухие, сыпучие. Куски щебня откалываются от них и устремляются к песочной полосе внизу — пляжу. Давай! Давай! Скорее! Нога отказалась повиноваться и ударилась об угол скалы. Чудовищная боль! Я споткнулся и сразу же кубарем полетел вниз. В плоть вонзаются десятки каменных мечей. Кожа, кости, мясо — всё измолось в одну массу. Наконец я достиг горячего песка. И медленно принялся в него погружаться...

Что происходит? Вокруг тьма, ни звука, ни запаха... Быть этого не может! Оступился! Дал слабину и угодил в чёртову бездну. Гадкий порочный круг! Отпусти! Дай мне шанс! Бездна... Никто меня уже не услышит. К чему всё это было?! Это худшее наказание! Мне дали узреть былой мир, прочувствовать его целиком, но я не успел насладиться! Остается в несурзном гневе долбить кулаками незримое подобие пола. Тюрьма для слепца. Если бы мне дали шанс... Я ведь уже раскаялся. Признал все грехи и готов отмолить их. Каждый день сожалел бы о содеянном, что бы я ни сделал.

И в эту секунду спасение, а по-другому назвать я это не могу, пришло, хоть это и нестранно, из ниоткуда. Из крошечной тьмы. Из высасывающей силы темени. Из мрака. Это место не подчиняется общим законам. Они тут свои. Особенности. Передо мной вдруг выросло зеркало. Высокое, во весь мой рост. Рама его из чистого серебра, а форма походит на дьявольский трон. Всю жизнь я не обращал внимания на свой внутренний мир:

на едкую желчь или сизый туман души. Я жил примитивными желаниями. Жил для себя. Я одиночка. Других не замечал, будто бы их не было никогда. Есть лишь я и конечная вожденная цель. Зеркало мне открыло правду. Слепой видит больше меня, он видит душой. Он вечность пребывает в ночи и всё равно зрит истину. Я усвоил этот урок. И сейчас, в столь чётком отражении, прямо напротив меня стоит тень... Серый стукот, отчасти напоминающий дым от костра. Этот дым образует некое подобие человека. Еле различимый силуэт. Поиски окончены. Вот кто я есть. Полностью и окончательно. Пустота не преследует меня, я её источник. Я нашёл себя.

Буря стихла. Разбегающиеся толпы туч обнажали алое зарево. Крохотные ряды волн безмолвно разносили обломки растерзанного корабля. Часть его уцелела и смиренно бродила по морю. Молочный парус, словно побеждённый воин, умиротворённо лежал на воде. В этой покинутой груди стояла какая-то благая тишина. После убийственного шторма так свежо. Забавно видимое сходство стихии и человека: гибельный вихрь возникает внезапно, застаёт врасплох и тут же сметает всё и вся — ну чем не война? Яхта несла беглеца к спасению — по крайней мере, он так считал. Но уцелеть не смог. Был настигнут божественным судом и пал под его неумолимым взором. Где же он теперь? А море — оно вечно. Пролетят года, но фиолетовые его просторы так и останутся на своём месте. Обломки потонут, обрастут илом, водорослями, а незыблемая гладь всё так же будет чиста. Подлетела стайка крикливых чаек. Уселись на остаток яхтенного борта. Так и плывут, замороженно всматриваясь в прекрасную карминовую даль горизонта. Непередаваем морской закат. По всему морю игриво тянется его длинное отражение. Удивительная картина. Сказочная.

Мужчина, лёгкие которого невыносимо зудели, отдалённо распознавал чью-то речь, какие-то вскрики, похожие на «дыши» и на «как он?». Мужчина постепенно приходил в себя. Маговая пелена спадала с его глаз. Он даже начал различать людские силуэты, что безостановочно мелькали перед ним. Он дичайшим образом закашлялся. Сел на четвереньки и выплёвывал жгучую морскую воду. Затем ошарашенно взглянул вокруг. Рядом стояли три человека, все полуголые — спасатели, видимо. Сидел он на липком песке, пенящиеся волны ещё дотрагивались до его тела. Волосы на голове были безобразно взъерошены. Поло и шорты вымочены насквозь. Скулы его монотонно дрожали — он сильно замёрз, кожа будто гусиная. Один из тройки, что вернула бедолагу к жизни, крепко сложенный парень с шоколадным загаром, нагнулся и спросил:

— Вы целы?

Растерявшийся страдалец ничего и не слышал. В его голове уже запустился необратимый процесс: длинная кинолента воспоминаний безудержно вращалась, открывая для него неожиданную правду. Он вспомнил, кто он. Вспомнил, какими богатствами обладал, как руководил престижной фирмой, купил роскошную виллу, яхту. Он вспомнил страшное—убийство: годы его труда стирались в прах, кризис, долги, бесконечный стресс; к нему приехал ближайший соратник— вместе они создали крупнейшее дело, которым и заправляли вдвоём, он что-то говорил про деньги, угрожал, в итоге ссора переросла в преступление. И он бы вернулся назад и выстрелил себе в висок, чем всё, что он натворил. В неудержимом страхе он решил вдруг сбежать. Уплыть от всего куда подальше, спрятаться от проблем и грехов. Но попал в шторм. Чудовищный силы был ураган, в щепки разнёс беззащитное судно. И вот он здесь, на берегу. Сидит в глупой нерасторопности, выгарашил глаза и молчит. Судьба обладает поистине кошмарным юмором, изводит тебя, превращает в соломинку, согнуть которую можно, не прилагая особых сил.

— Живой... — отвечал спасённый. — Спасибо.

— Это наш долг.

— Сколько времени я был без сознания?

— Мы нашли вас минут двадцать назад. Думали, что вы мертвы, но сердце ваше ещё билось, приглушённо, но билось.

— Я вечно буду вам благодарен.

Спасатели в две секунды поставили мужчину на ноги. Тот слегка пошатнулся, но не упал.

— Мы заберём вас на базу. Там за вами присмотрят и накормят.

Чудом выживший в убийственной стихии человек спокойно покачал головой. Он не желал идти с ними. У него своя дорога. Ему ещё многое предстоит.

— Спасибо вам, я у вас в пожизненном долгу. Но мне надо идти. Прощайте, друзья.

И он пошёл вдоль берега. Медленно ковляя, иногда запинаясь, но пошёл. Вдалеке сиял багряный свет, отчего разбитая фигура мужчины отдавала длинной тенью по всему берегу. И тень эта была вне его. Внутри он стал чист. Ряды следов, которые он оставлял, тихонько смывала вода. Ушёл навсегда. Никто и не понял, как он тут оказался и что за тьма его поглотила. Волны бились о берег, а солнце почти что зашло. Небесная синева постепенно чернела, обнажая сотни ярких песчинок тысячелетних звёзд.

Отстранённый

Нежный майский ветерок приятно касается моих сухих щёк, что светятся в бледных, но жизненно сильных лучах дневной звезды. Относительная тишина легонько колеблется воробьиным

подпеванием. Аккуратно покачиваются стоящие в округе, уже успевшие набрать контраст зелёные пышки. Воздух чист, даже вкусен. Запах вырывающейся из природы жизни так и бьёт по ноздрям. Сел на лавочку. Под ногами тропа. Разноцветные камушки увлекательно переливаются в полуденном свете, мне это нравится. Эти камушки лишней раз стремятся напомнить, сколь важно для нас находить приятные мелочи в обыденной жизни. Вот они, под ногами, эти мелочи. Хочу взять один или два, положу на полку или лучше на подоконник; в них, может, и нет жизни, нет той блистательной яркости, которую даруют тебе живые, но всё же их успокаивающий глаза перламутр будет тем кирпичиком, что я возложу в фундамент пока что не существующего, а в будущем, вероятно, весьма шаткого здания моей умиротворённости. Наклоняюсь, худые пальцы нащупывают малыша и тут же заключают его в удушающие объятия. Мне нравится его красота, она вдохновляет меня покидать своё прибежище, эту затхлую, шлифующую душу конуру, в которой пока не находилось места подобным жемчужинам. Я определённо получаю удовлетворение от нежных вращений камушка в своих пальцах. Как он блистает! Как светится! Неужели я счастлив? Мне кажется, что это всё ложь. Ложь другим— мерзкое деяние, низкое и подлое, ложь себе— банальная глупость, жалкая попытка убежать от действительности, какой бы она ни была и как бы ни воспринималась твоим слабым духом. Так и есть. Другого не дано.

Бросаю камушек в карман засаленных брюк и смотрю дальше. Тут передо мной высится цветастый исполин. Вижу, да и улавливаю ухом целое собрание пернатых. Красивый дуб, строгий и мощный. А главное—полон жизни. Вот уж действительно тот случай, когда можно сказать, что она бьёт ключом. Сотни, миллионы сияющих листочков колышутся в ручьях тёплого воздуха. Какая крона! Могучая, раскинувшаяся на всю поляну с аккуратненьким газоном. Под кроной тень, в тени зверьки. Вижу пятёрку белочек. Вот и собачки подбежали. Высунули языки да лыбятся. Уменя, как у человека учёного, внезапно возникает вопрос: осознают ли эти несчастные, преисполненные жизни создания всю красоту и счастье своего положения, своей природы? Что составляет их счастье? Это же просто множество тех самых мелочей! Тех мелочей, каждая из которых представляет собой крошечную песчинку жизни. Одной для счастья не хватает—мысль, понятная даже ребёнку, но вот будь их у тебя целая уйма, я начну тебе завидовать. А может, и не начну. Я ничего не чувствую. В этом моя беда. Сейчас в голову мне пришла интересная мысль, иллюстративный образ. Очень сильный образ. Думаю, его одного с лихвой хватит, чтобы объяснить сущность моего тяжкого положения.

Для начала. Я—это выжатый лимон. Сухой тростник. Старенькая паутина в пыли. Я—ничто. Представим себе пляж. Роскошный, омываемый пенистой голубизной волн, тёплый и наполненный солнцем. Ступни погружены в песочный массив. Отличный образ возник, не правда ли? Так вот, каждая песчинка, возвращаясь к моей мысли,—это мелочь. Мелочь жизнеутверждающая, сигнализирующая о наличии хоть и совсем ничтожной, но какой-то толики счастья. На пляже я. Ступаю по нему, прикасаюсь к песку, дышу им, пробую его на вкус. Тщетность. Одна лишь невосполнимая ничем пустота, зияющая дыра, поглощающая всё, что мне дорого. Это перечень моих «чувств». Где здесь радость? Где счастье? Я не могу их познать. Они выше меня, за пределами моего шаткого сознания. Что закроет эту пустоту? Я ищу ответ на этот вопрос каждый день. Отчаяние лишь довлеет надо мной. И больше ничего. Но это обо мне.

Зачем обо мне, когда есть мир, природа? Жизнь? Я здесь лишний, я посторонний в этом счастливом образовании. Прихожу к мысли, что мне явно стоит уйти. Желательно бесследно. Вижу пару. Да, прекрасный молодой человек и юная девушка. Они красивы. По-своему прекрасны даже. Они совсем близко ко мне, но в то же время так далеко... Стоят под дубом. Ласкают друг друга, я слежу за их нежными объятиями и романтическими поцелуями. Их захлестнула страсть. Любовь—определённое приятное чувство. Я вижу, как они улыбаются. Сейчас два человека счастливы, в этом я не сомневаюсь.

А каково это—любить и быть любимым? В одном я уверен точно: это далеко не мелочь. Здесь целый, готовый для постройки здания фундамент. Тяжело уходить, не познав этой силы. Квинтэссенция, что рождает жизнь. На ней она и зиждется. На любви. Видимо, я перешёл к каким-то пустословным суждениям. Ведь и вправду—откуда мне знать? Не всё идёт так, как этого желаешь ты. Порой эта формула легко применяется по отношению к целому жизненному пути. Она будто скелет этого пути. И вот я снова о себе.

Влюблённые не замечают меня. Птицы тоже. Белочки, собачки. Все они меня игнорируют. Да что там—даже ласковые солнечные лучи обошли

меня стороной. Опускаю руку в карман, достаю неодошевленную жемчужину. Красавица. И вот снова некая приятная теплота наполняет мою грудь. Что же это? Радость, любовь, счастье или веселье? Я не могу определить, и от этого тоска берёт. Влажная и терпкая грусть покрывает моё хрупкое тело при этих мыслях.

Что же... пора?

Три недели над городом стояла до ужаса хмурая погода. Тяжёлые чёрные тучи каменной стеной запечатали от людского взора нежную синеву летнего неба. Кругом лужи. Люди в сапогах, плащах и с зонтами. Ни одной животинки не видать, все как сквозь землю провалились. Город забыл солнце, а солнце—город. Темнота, серость, шум ливня. Позади размокшего от непрерывного дождя парка возвышается привычный глазу русского человека панельный дом. Он совершенно неказист, банален даже. Со всеми своими балконами, черепичной крышей и невзрачными окошками. Но в ночи этот геометрически правильный муравейник оживал, источая жёлто-белое свечение из своих окошек. И в одной из квартир этого дома, окно которого выходило прямо к парку, не горел свет. Долгое время не горел. С тех самых пор, как укутанный майской зеленью городок был поглощён мрачной дождливой чумой. И если бы вы встали перед этим окошком, а оно было совсем внизу, на втором этаже, то сквозь мутное, полное разводов и пыли стекло могли бы разглядеть одну занимательную деталь: парочка грязных, затасканных ботинок упиралась носками в самое окно. Чуть выше, в области шнуровки, виднеется почерневшая худенькая нога, обтянутая широкими брюками. Что же, в квартире вы, вероятно, не увидите, всё внутри окутано мраком даже днём. И лишь маленький, переливающийся в отблеске света камушек мирно лежит на пыльном подоконнике, очаровывая своей красотой. Казалось, он ослепляет своим блеском даже ночью.

Многие люди, что смотрят на неказистый домик в ночи, даже и не подозревают, какое из окон наполнено поистине лучезарным светом, им доступна лишь темнота, а глубинная суть ускользает от их взоров, оставляя покинувшего их человека наедине с заволаживающей дух красотой.